

УДК 342

doi: 10.21685/2072-3016-2024-2-9

**Технологическая теория модернизации
в историко-государствоведческих
и историко-правовых исследованиях**

Ш. Г. Сеидов¹, Н. В. Макеева², А. В. Меликов³

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

³Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия

¹tabaris@yandex.ru, ²makeeva-nv@yandex.ru, ³AleksejV.Melikov@gmail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Теория модернизации, претендовавшая в 1960-е гг. на то, чтобы стать альтернативой марксизму, на самом деле в лице западных авторов оказалась не в состоянии удовлетворительно изложить обобщающую линию общественного развития. Между тем сама эта теория нужна, но требует обновленного подхода, который, в частности, представляет анализ технологии процесса. Целью исследования является верификация этого подхода и демонстрация его возможностей на примере конкретных научных сюжетов. *Материалы и методы.* Излагаются теоретические положения сути модернизационных преобразований в сфере государства и права. Отмечается, что обновление государственного механизма приводит к политизации социума и формированию гражданского общества, что сопровождается также осовремениванием правовой системы, в то время как заключительным этапом всего процесса является возникновение правового государства. Показывается применимость этой теории к феномену колониализма, правовой гуманизации, осуществляемой с XIX в., и осовремениванию Греции, стартовавшей на рубеже 1870–1880-х гг. По сути дела авторы используют метод дедукции, демонстрируя, как предложенные профессором А. Ю. Саломатиным теоретические постулаты могут применяться к различным обстоятельствам. Используется также и сравнительный метод. *Результаты.* Обращаясь к феномену колониализма, целесообразно рассматривать его зрелые формы XIX – середины XX в. в контексте модернизации, когда колониальные империи не просто продолжают заниматься примитивным ограблением колоний, а осуществляют их планомерную интеграцию в свои экономики, что сопровождается инфраструктурным освоением территорий и экспериментированием с самоуправленческими началами. Или есть все основания связать появление лозунгов борьбы с информационным империализмом к 1970-м гг., поскольку тогда Запад не просто неожиданно и необъяснимо ослаб, а временно потерял свою агрессивность ввиду истощения прежней модернизационной модели и задержки перехода к постмодернизации. Технологическая теория модернизации помогает лучше понять и такую новацию в законодательстве XIX в., как гуманизация уголовных наказаний, увидеть в ней не случайность, а закономерность. Равным же образом на основе этой теории мы можем анализировать темпы и особенности обновлений в различных странах. Например, сравнивая модернизационные старты Великобритании, Франции, Германии, Италии, следует констатировать, что в маленькой, экономически и социально застойной, зависимой от великих держав Греции начальную точку преобразований следует

искать где-то на рубеже 1870–1880-х гг. – т.е. значительно позже, чем даже в странах второго модернизационного эшелона (России, Японии, Аргентине). *Выводы.* Государственно-правовая история Европы, да и других континентов, требует серьезного изучения на основе технологической теории модернизации. С помощью рассмотрения явлений через призму последовательных и закономерных преобразований внутри государства и социума, благодаря сравнению темпов и особенностей модернизационных процессов в разных странах мы можем глубже понять динамику развития государства и права.

Ключевые слова: теория модернизации, технологическая теория модернизации, модернизационный старт, государственный механизм, модернизационный процесс

Для цитирования: Сеидов Ш. Г., Макеева Н. В., Меликов А. В. Технологическая теория модернизации в историко-государствоведческих и историко-правовых исследованиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 2. С. 109–121. doi: 10.21685/2072-3016-2024-2-9

Technological theory of modernization in historical-state studies and historical-legal studies

Sh.G. Seidov¹, N.V. Makeeva², A.V. Melikov³

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

³Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

¹tabaris@yandex.ru, ²makeeva-nv@yandex.ru, ³AleksejV.Melikov@gmail.ru

Abstract. *Background.* The theory of modernization, claimed in the 1960s in order to become an alternative to Marxism, in fact, in the person of Western authors, was unable to satisfactorily present a generalizing line of social development. Meanwhile, this theory itself is needed, but requires an updated approach, which, in particular, represents an analysis of process technology. The purpose of the stu is to verify this approach and demonstrate its capabilities using the example of specific scientific subjects. *Materials and methods.* The article outlines the theoretical principles of the essence of modernization transformations in the sphere of state and law. It is noted that the renewal of the state mechanism leads to the politicization of society and the formation of civil society, which is also accompanied by the modernization of the legal system, while the final stage of the entire process is the emergence of the rule of law. The applicability of this theory to the phenomenon of colonialism, legal humanization carried out since the 19th century, and the modernization of Greece, which started at the turn of the 1870–1880s, is shown. In essence, the authors use the deduction method, demonstrating how the theoretical postulates proposed by Professor A.Yu. Salomatina can be applied to various circumstances. The comparative method is also used. *Results.* Turning to the phenomenon of colonialism, it is advisable to consider its mature forms of the 19th – mid-20th centuries. in the context of modernization, when colonial empires do not simply continue to engage in primitive robbery of colonies, but carry out their systematic integration into their economies, which is accompanied by infrastructural development of territories and experimentation with self-government principles. Or there is every reason to connect the appearance of slogans against information imperialism to the 1970s, since then the West not only unexpectedly and inexplicably weakened, but temporarily lost its aggressiveness due to the exhaustion of the previous modernization model and

the delay in the transition to postmodernization. The technological theory of modernization helps to better understand such an innovation in the legislation of the 19th century as the humanization of criminal penalties, to see in it not an accident, but a pattern. Equally, on the basis of this theory, we can analyze the pace and characteristics of renewal in different countries. For example, when comparing the modernization starts of Great Britain, France, Germany, Italy, it should be noted that in small, economically and socially stagnant Greece, dependent on the great powers, the starting point of transformation should be sought somewhere at the turn of the 1870–1880s. – that is, much later than even in the countries of the second modernization echelon (Russia, Japan, Argentina). *Conclusions.* The state and legal history of Europe, and other continents, requires serious study based on the technological theory of modernization. By examining phenomena through the prism of consistent and natural transformations within the state and society, by comparing the pace and characteristics of modernization processes in different countries, we can better understand the dynamics of the development of state and law.

Keywords: theory of modernization, technological theory of modernization, modernization start, state mechanism, modernization process

For citation: Seidov Sh.G., Makeeva N.V., Melikov A.V. Technological theory of modernization in historical-state studies and historical-legal studies. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2024;(2):109–121. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2024-2-9

Теория модернизации насчитывает более полувека своего научного стажа. Появившись на рубеже 1950–1960-х гг. как «мегапроект интеллектуальной элиты, частных фондов и государственных структур США» [1, с. 5], она давно переросла свои узкопрагматичные рамки. Однозначно заменить собой марксизм у нее не получилось хотя бы в силу аморфности критериев, не четко хронологических вех и неоднозначности выводов. С другой стороны, плюрализм точек зрения по поводу модернизации способствует продлению ее «концептуальной молодости», что само по себе не так уж плохо. В рассуждении о том, что в истории человечества до недавнего времени были заложены две полярные эпохи – доиндустриальная и индустриальная, есть здоровое зерно. Другой вопрос, что важно найти убедительное объяснение их смене, показать конкретное действие модернизационного механизма.

К сожалению, западные теории модернизации страдают умозрительностью. Им присуще стремление увязать в единое целое множество понятий и явлений, не встраивая их в четкую систему причинно-следственных связей. И все это на фоне постоянно множасьихся модернизационных версий.

Китайские авторы комплексного исследования модернизации построили сложную схему теорий, включив в нее классические концепции и эволюции, перерастающие в многочисленные версии модернизации [2, с. 35].

При этом в совокупном перечне модернизационных параметров не прослеживается целостной логики. Подобное прочтение модернизации фрагментарно. В индустриальную эру 1763–1970-х гг. включаются весьма разнообразные характеристики: индустриализация, урбанизация, демократизация, рационализация, индустриальная цивилизация, индустриальная экономика

и общество [2, с. 41]. Как связаны между собой эти отдельные звенья процесса, увы, не говорится.

Допускаем, что всеобъемлющую теорию модернизации создать затруднительно – задача слишком масштабна. Однако пробовать ее следует решать хотя бы в рамках конкретных секторов общественной жизни. Нас как представителей политической и юридической науки давно привлекает **технологическая теория модернизации**, изложенная примерно десятилетие тому назад доктором юридических наук, доктором исторических наук, профессором А. Ю. Саломатиным. Она стремится структурировать процессы обновления, происходившие в XIX в. в государственно-правовой надстройке, связав их с новациями в хозяйственной жизни [3, с. 137–138]. По мнению автора, модернизационный старт есть результат совпадения многих секторальных факторов (в сфере государства, религии, науки, образования, культуры), которым необходимое ускорение придали начало промышленного переворота и великие революции конца XVIII в. (Американская и Французская), зафиксировавшие кардинальные перемены в социуме. Революции обозначили перемены в государственно-правовой и политической надстройке, которые имели следующую последовательность (схема 1).

Схема 1. Модернизация государства, политической и правовой жизни

Преобразования, которые могут происходить как в революционной (Франция), так и в эволюционной форме (Великобритания), обычно начинаются с **государственного механизма**. К этой стороне общественной жизни обращаются вожаки революционных масс и реформаторы-эволюционисты. Функционирование государства вводится в известные конституционные рамки, и осуществляется постепенная дифференциация управленческой деятельности через разделение властей. На следующем этапе имеет место политизация социума. Главным его инструментом выступает расширение избирательного права вплоть до всеобщего и образование политических партий, усиление позиций печати на базе активно развивающейся политической жизни. Формируются структуры гражданского общества – причем не одновременно, а проходя этапы инициативных социальных организаций (до середины XIX в.) и профессионально-отраслевых ассоциаций (во второй половине XIX в.) [4, с. 80–81].

Модернизация правовой системы особенно растянута во времени в силу ее консервативности и инерционности, многоаспектных преобразований. Ведь они включают в себя под воздействием промышленного переворота и индустриализации и приоритетное опережающее развитие конституционного права, и правовую дифференциацию. Имеют место гуманизация уголовной политики, оптимизация судопроизводства, становление современного университетского образования. Наконец, логическим завершением модернизационного цикла оказывается возникновение правового государства на рубеже XIX–XX вв.

Какие перспективы могут существовать у технологической теории модернизации? Мы постараемся осветить данную тему на примере собственных исследовательских проектов.

Например, важное значение имеет изучение **феномена колониализма**. Почему о нем в полной мере как о зрелой системе можно говорить только с XIX в., а никак не раньше? По нашему мнению, вплоть до конца XVIII в. следует вести речь о военно-торговой колониальной политике стран Запада. Создавались колонии – чаще всего в виде отдельных небольших анклавов, могло происходить их ограбление и истребление населения, но систематическое их освоение еще не осуществлялось. И только с началом промышленного переворота на рубеже XIX–XX вв., а потом, с 1830-х гг., «революции коммуникаций», со стартом модернизационных процессов в государственной, политической и правовых сферах **появляются возможности и заинтересованность в планомерной интеграции колоний в конкретные национальные экономики западных стран и мировую экономику**. Складывается полноценная система колониализма, в которой военное господство, территориально-административный контроль и неравноправные торговые обмены дополняются такими новыми элементами, как инфраструктурное освоение владений и экспериментирование с полусамостоятельными началами

(в том числе и организация доминионов) [5, с. 124]. По сути дела происходит частичная модернизация колониальных социумов.

Или еще одна актуальная проблема – **информационная зависимость развивающихся стран**, публично осознанная в середине XX в. Бывшие колониальные страны в основном вступают на путь формальной модернизации в 1960-е гг. При этом для них сиюминутные политические новации и заимствования преобладают над реальными экономическими достижениями, что ставит под угрозу внутригосударственную стабильность и прогресс. В данном случае реализация модернизационных преобразований оказывается искаженной: государственные реформы плохо работают, политизация социума запаздывает, формирование гражданского общества является чистой воды имитацией, правовая система находится в зачаточном состоянии, а правовое государство тем более оказывается мифом. Возникающие трудности преодолеваются с трудом. Более того, к существующим проблемам добавляются еще и новые, сопровождаемые неокOLONиалистской политикой Запада. Информационное насилие порождает чувство фрустрации и лозунги противодействия «информационному империализму». Эти лозунги в основном имели распространение в переходные 1970-е гг. и в первое десятилетие постмодернизационных преобразований, т.е. в 1980-е гг. Почему?

Выскажем предположение, что это связано с кризисными явлениями 1970-х гг. на Западе, которые сигнализировали о завершении зрелой модернизации в 1960-е гг. и предстоящем переходе к постмодернизационному развитию в 1980-е гг. [3, с. 252–253]. Запад на тот момент времени идеологически и организационно ослаб, и развивающиеся страны, пользуясь поддержкой СССР и мировой системы социализма, решили искать информационной «справедливости».

В настоящий момент времени об «информационном империализме» не вспоминают не только потому, что Запад в условиях глобализации укрепился, но и вследствие диверсификации коммуникационных средств, которая создает иллюзию открытого доступа всем и каждому к информации, кросс-культурного взаимодействия в мировом масштабе [6, с. 220].

С одной стороны, в крупнейших развивающихся странах – Нигерии, Южной Африке, Филиппинах, Кении, Индонезии, Мексике – наблюдается бум социальных медиа, которые не требуют от потребителей материальных затрат [7], с другой стороны, в развивающемся мире (и прежде всего в Африке) обычное телевидение «остается элитарным средством коммуникации», а «радио является наиболее доступным средством» [8]. Иными словами, информационное неравенство никуда не делось – оно просто видоизменилось, как трансформировалось модернизационное общество в постмодернизационное. В рамках технологической теории постмодернизационного развития еще недавно справедливо утверждалось, что «гипертрофированная, неадекватно значимая роль новых информационных технологий и СМИ, деформирующих политический процесс, подрывает роль традиционных политических партий, раздробляет политические интересы на мелкие сегменты, снижает управляемость

обществом» [9, с. 10]. Предстоит выяснить, а как эта роль западного «информационного оркестра» воздействует на не-Запад и что можно с этим сделать.

Среди историко-правовых сюжетов центральное место занимает история законодательства. Наиболее поверхностным подходом к ней был бы простой пересказ норм в лучшем случае при сопоставлении с действующими нормами без всякого объяснения возможных причин изменений. Однако на самом деле государственным мужам и общественности требуется не механическое знание текстов, а их понимание. Особенно это касается такой щекотливой темы, как **модернизация уголовных наказаний**. Ведь, как справедливо отметил С. К. Гогель, «каждый новый уголовный кодекс, выработанный в каком-либо европейском государстве, с момента появления его на свет в виде проекта сосредоточивает на себе больше всякого другого законодательного акта внимание всей Европы и в особенности ее законодателей, политиков, ученых, юристов» [10, с. 3].

Модернизация государства, пример которой продемонстрировали Американская и Великая французская революции конца XVIII в. [11, с. 167–168], запустила длительный, сложный, многоэтапный механизм правовой модернизации. Затронул он и уголовную политику.

Принцип гуманизма нашел свое выражение в трудах великих просветителей XVIII в. Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье, идеологически подготовивших общество к новым идеям, в том числе и в отношении отмены смертной казни.

На тот момент времени высшая мера наказания очень часто и свободно применялась. Английские законы содержали более 200 составов преступлений, караемых смертной казнью. Во Франции таких составов преступных деяний было несколько меньше: смертная казнь назначалась за 119 преступлений, в России – за более чем 60. Как отмечает А. Ф. Бернер, большая часть кодексов назначала смертную казнь для целого ряда тяжких преступлений, не только за убийства, но и за политические преступления, нравственная оценка которых изменчива [12, с. 756–757].

Философско-криминологические размышления гуманистического направления систематизировал в середине XVIII в. Ч. Беккариа: «Лучше предупредить преступления, чем наказывать», «Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека... только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удержать других от совершения того же» [13, с. 36, 47, 62, 124].

Гуманистические тезисы Беккариа послужили ключевым фактором реформирования через несколько десятилетий уголовного законодательства в западноевропейских странах, таких как Швеция, Дания, Англия и Австрия [14, с. 237]. Такая возможность стала складываться не сразу, а после реформирования государственного механизма и под давлением гражданского общества.

Концепцию гуманизации уголовной политики наиболее наглядно демонстрирует значительное сокращение области применения смертной казни. Так, на волне модернизационных преобразований уголовной политики во Франции число преступных деяний, караемых смертной казнью, сократилось до 38 (ранее – 119), в Германии – до 2 (ранее – 44).

В некоторых странах – преимущественно небольших и с невысоким уровнем преступности – в XIX в. было предложено вообще отказаться от высшей меры наказания. Смертная казнь была отменена в Португалии в 1867 г., в Нидерландах – в 1870 г., в Швейцарии – в 1874 г., в Италии – в 1889 г. В Бельгии смертная казнь фактически не применялась с 1863 г.

Что касается крупных государств, то полноценные условия для отмены смертной казни возникли только на этапе зрелой модернизации в середине XX в., когда в рамках «государства всеобщего благоденствия» и мощного нелиберального импульса, охватившего гражданское общество, возник социальный консенсус для данной меры. Смертная казнь была отменена в Великобритании в 1967 г., в Канаде – в 1963 г. де-факто и де-юре – в 1999 г., в Германии – в 1949 г. Однако примерно половина государств мира выступили за ее сохранение.

Означает ли это, что в будущем принятая гуманистическая эра должна обязательно сохраниться? Отнюдь нет. Все будет зависеть от общей криминогенной обстановки и факторов, влияющих на постмодернизационное развитие.

История Европы дает немало поучительных сюжетов о сложном пути развития ее многочисленных больших, средних и малых государств, но увязать эти разрозненные «истории» в единое полотно помогает технологическая теория модернизации.

Возьмем судьбу Греческой Республики. Ее путь как независимого государства после победы национально-освободительного движения сопровождается многовековой отсталостью – результатом длительного Османского владычества и внешним давлением европейских держав, превративших Грецию в конституционную монархию с вывезенным из Германии монархом. Благоприятствовали или нет эти внешние факторы модернизации, когда стартовали здесь модернизационные процессы, и в чем они выражались – на эти вопросы сложно дать однозначный ответ. Прежде всего попытаемся сравнить моменты модернизационного старта для разных европейских государств и сопоставить их с греческой действительностью.

Согласно технологической теории модернизации, ее пионерами в Европе были Великобритания (конец XVIII в.) и наполеоновская Франция (начало XIX в.). Крах Наполеоновской империи открыл для Германии после 1814 г. «модернизационный клапан» и дорогу к объединению. Для не только разрозненной, но и частично оккупированной иностранными войсками Италии вступление на модернизационную тропу (по крайней мере для Пьемонта)

относится к 1830–1840-м гг. Для более скромной по площади и по экономическим возможностям Греции модернизационный старт происходит в конце XIX в. с модернизационных реформ премьер-министра Х. Трикуписа в середине 1870–1880-х гг. Причем важно обозначить не только начало модернизационных изменений, но и их особенности.

Греция, добившаяся независимости от Османской империи в 1820-е гг., на долгое время оказалась под плотным патронажем ведущих держав – Великобритании, Франции и России. Ей был фактически навязан абсолютистский режим во главе с сыном баварского короля, а затем датская династия, что способствовало установлению «импортированной» конституционно-гибридной монархии. Казалось бы, тесные связи с ведущими странами должны были способствовать восприятию зарубежного передового экономического, политического и интеллектуального опыта. Однако, во-первых, как это часто бывает, иностранные покровители не торопились оказывать действенную помощь, а преследовали собственные стратегические интересы. Во-вторых, между покровителями существовала конкуренция, и это не могло способствовать успехам Греции. В-третьих, но это самое главное – ни в 1830-е, ни в 1840-е, ни в 1850-е гг. молодое государство не было готово к модернизационному старту.

Согласно выдвинутой А. Ю. Саломатиным гипотезе, для начала модернизации конкретной стране необходимы определенные условия. Например, в Великобритании они носили как экономический, так и политический характер (пионерский переход к промышленному перевороту и начинающаяся самоорганизация и политизация социума), во Франции – в большей степени политический характер (Великая французская революция как отправная точка в модернизации государственного механизма и политизации социума) [3, с. 156, 169].

В Греции после окончания войны за независимость разрушенное полунатуральное хозяйство даже при наличии прибыльного сектора морских перевозок никоим образом не могло стать базой для надежного экономического роста, тем более что этому препятствовала и хроническая политическая нестабильность. Республика сменилась режимом регентства и псевдоабсолютистской, а затем дуалистической (авторитарной монархически-парламентской) монархией. Противоречивое и драматическое правление баварца Оттона I завершилось революцией 1862–1864 гг. и бегством монарха.

Казалось бы, в канун этих событий, на рубеже 1850–1860-х гг., в Греции происходили определенные изменения. «Впервые в ее истории стал очевидным экономический рост. Увеличился объем торговли с другими странами, прежде всего, сельскохозяйственными товарами. <...> осуществлялось строительство дорог, телеграфных линий» [15, с. 63]. Но объем этих новшеств был еще очень скромным: тех же железных дорог было к 1869 г. построено только 11 км (!), промышленные предприятия появляются в портах – Пирее, Патрах, Навплио, Сиресе, а первая фабрика с паровым двигателем начинает

функционировать с 1872 г. Удельный вес рабочих в составе населения достигает только 4 %, тогда как крестьян – все 47 %, лиц свободных профессий – 19 % [16].

Как и во Франции, основным фактором модернизационного старта 1870-х – начала 1880-х гг. оказываются преобразования в государственной и политической сферах. Хотя нестабильности после принятия Конституции 1864 г. не становится меньше, все же происходит осовременивание политической системы. Пресса выходит из-под контроля государства и ведет себя цинично и разнузданно. К старым четырем аморфным персонифицированным партийным группировкам добавляется партия нового типа, которая формируется не на основе личных связей, а благодаря идеологическим убеждениям. Ее лидер – европеизированный выходец из старой элиты **Ж. Трикупис** (1832–1896) – в течение 1875–1895 гг. семь раз занимает кресло премьер-министра. В возникшем двухпартийном тандеме с консерваторами он занимает либеральные позиции. «Вся деятельность Трикуписа и его сторонников во время пребывания у власти была направлена на модернизацию страны путем реорганизации аппарата управления, борьбы с коррупцией, взяточничеством и казнокрадством, реформирование армии и военных училищ, расширение путей сообщения» [16]. При этом стране катастрофически не хватало собственных капиталов, и она все глубже увязает во внешних заимствованиях и при дефиците торгового баланса выплачивает от половины и более бюджетных поступлений на погашение государственного долга [17, с. 99, 101]. В 1893 г. следует объявление банкротства, а греки не от хорошей жизни все чаще ищут убежища за рубежом, прежде всего в США [18, с. 35–37].

Таким образом, в отличие от других стран второго модернизационного эшелона, где осовременивание начинается после 1860 г. (России, Японии, Аргентины) [3], **модернизационная траектория Греции имеет кардинальную проблемность и прерывистость.** Впрочем, модели модернизационного развития следует изучить более тщательно, привлекая дополнительный материал, в том числе статистический, а поможет в этом технологическая теория, объясняющая логику модернизационного процесса.

Список литературы

1. Ефременко Д. В., Мелешкина Е. Ю. Теория модернизации 1950–1960-х гг. Современность классики. Вводная статья // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории 1950–1960 гг. : сб. пер. / отв. ред. Д. В. Ефременко, Е. Ю. Мелешкина. М. : ИНИОН РАН, 2012. С. 4–20.
2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чунаньци. М. : Весь мир, 2011. 252 с.
3. Саломатин А. Ю. Всемирная история государства и государственного управления : учеб. пособие. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 286 с.
4. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права : учеб. пособие / предисл. акад. РАН А. Г. Лисицына-Светланова. 2-е изд. М. : РИОР, Инфра-М, 2013. 213 с.
5. Сеидов Ш. Г. Информационный империализм: коммуникационная политика Запада в отношении развивающихся стран (1960–1980 гг.) : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. URL: <https://elib.pnzgu.ru/library/1669635496>

6. Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: состояние, перспективы : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 1998. 50 с.
7. Social Media Usage by Country // Oberlo. URL: <https://www.oberlo.com/statistics/social-media-usage-by-country> (дата обращения: 10.01.2023).
8. Беаваги Боймасса. Средства массовой информации африканских стран: от несвободы к свободе и обратно (закон маятника) // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-afrikanskih-stran-ot-nesvobody-k-svobode-i-obratno-zakon-mayatnika> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Постмодернизация и глобализация: особенности государственно-правовой жизни общества в XXI столетии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 1 (318). С. 6–17.
10. Гогель С. К. Проект швейцарского уголовного уложения. СПб. : Гос. тип., 1899. 58 с.
11. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Политология для юристов : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2010. 380 с.
12. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права: части общая и особенная: с примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному : в 2 т. Т. 1. Часть общая. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 940 с.
13. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Радом : Типо-лит. И. С. Тржебинского, 1878. 134 с.
14. Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед. Р. Л. Валинского. М. : Наука, 1999. 394 с.
15. Улуян А. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в. : курс лекций. М. : ИВИ РАН, 1998. 331 с.
16. Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития : монография. М. : КДУ, 2010. 744 с.
17. Деллаграмматикас Я. Установление империалистами экономического контроля над Грецией // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 97–111.
18. Vzyoropoulos K. The last administration of Trikoupis and the bankruptcy // History of the Greek Nation. 1977. Vol. 14. P. 35–37.

References

1. Efremenko D.V., Meleshkina E.Yu. Modernization Theory of the 1950s–1960s. Modernity of the classics. Introductory article. *Kontseptsiya modernizatsii v zarubezhnoy sotsial'no-politicheskoy teorii 1950–1960 gg.: sb. per. = The concept of modernization in foreign socio-political theory of the 1950s–1960s: collected articles*. Moscow: INION RAN, 2012:4–20. (In Russ.)
2. Chuanqi He (ed.). *Obzornyy doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010) = Review report on modernization in the world and China (2001–2010)*. Moscow: Ves' mir, 2011:252. (In Russ.)
3. Salomatina A.Yu. *Vsemirnaya istoriya gosudarstva i gosudarstvennogo upravleniya: ucheb. posobie = World history of the state and public administration: textbook*. Moscow: Norma: Infra-M, 2013:286. (In Russ.)
4. Mal'ko A.V., Salomatina A.Yu. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie. 2-e izd. = Theory of state and law: textbook. The 2nd edition*. Moscow: RIOR, Infra-M, 2013:213. (In Russ.)

5. Seidov Sh.G. *Informatsionnyy imperializm: kommunikatsionnaya politika Zapada v otnoshenii razvivayushchikhsya stran (1960–1980 gg.): monografiya = Information imperialism: western communication policy towards developing countries (1960–1980): monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2022. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.pnzgu.ru/library/1669635496>
6. Mikhaylov S.A. *Sovremennaya zarubezhnaya zhurnalistika: sostoyanie, perspektivy: ucheb. posobie = Contemporary foreign journalism: state, prospects: textbook*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1998:50. (In Russ.)
7. Social Media Usage by Country. *Oberlo*. Available at: <https://www.oberlo.com/statistics/social-media-usage-by-country> (accessed 10.01.2023).
8. Beavagi Boymassa. African mass media: from lack of freedom to freedom and back (law of the pendulum). *KiberLeninka*. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-afrikanskih-stran-ot-nes-vobo-dy-k-svobode-i-obratno-zakon-mayatnika> (accessed 10.01.2023).
9. Mal'ko A.V., Salomatin A.Yu. Postmodernization and globalization: features of the state and legal life of society in the 21st century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie = University proceedings. Jurisprudence*. 2015;(1):6–17. (In Russ.)
10. Gogel' S.K. *Proekt shveytsarskogo ugolovnoy ulozheniya = Draft Swiss Criminal Code*. Saint Petersburg: Gos. tip., 1899:58. (In Russ.)
11. Mal'ko A.V., Salomatin A.Yu. *Politologiya dlya yuristov: ucheb. posobie dlya vuzov = Political science for lawyers: textbook for universities*. Moscow: Yurayt, 2010:380. (In Russ.)
12. Berner A.F. *Uchebnik ugolovnoy prava: chasti obshchaya i osobennaya: s primechaniyami, prilozheniyami i dopolneniyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu: v 2 t. T. 1. Chast' obshchaya = Criminal law textbook: general and special parts: with principles, additions and supplements based on the history of Russian law and the lawmaker's provisions: in 2 volumes. Volume 1. General part*. Saint Petersburg: Tip. N. Tiblena i komp., 1865:940. (In Russ.)
13. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh = On crimes and punishments*. Radom: Tipo-lit. I. S. Trzhebinko-go, 1878:134. (In Russ.)
14. Anners E. *Istoriya evropeyskogo prava = History of European law*. Transl. from Swed. by R.L. Valinskiy. Moscow: Nauka, 1999:394. (In Russ.)
15. Ulunyan A.A. *Politicheskaya istoriya sovremennoy Gretsii. Konets XVIII v. – 90-e gg. XX v.: kurs lektsiy = Political history of modern Greece. Late 18th century – 1990s of the 20th century: lecture course*. Moscow: IVI RAN, 1998:331. (In Russ.)
16. Petrunina O.E. *Grecheskaya natsiya i gosudarstvo v XVIII–XX vv. Ocherki politicheskogo razvitiya: monografiya = The Greek nation and state in the 18th – 20th centuries. Essays on political development: monograph*. Moscow: KDU, 2010:744. (In Russ.)
17. Dellagrammatikas Ya. Establishment of economic control over Greece by imperialists. *Voprosy istorii = Issues of history*. 1971;(9):97–111. (In Russ.)
18. Vzyropoulos K. The last administration of Trikoupis and the bankruptcy. *History of the Greek Nation*. 1977;14:35–37.

Информация об авторах / Information about the authors

Шахрутдин Гаджиалиевич Сеидов

доктор педагогических наук,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: tabaris@yandex.ru

Shakhrutdin G. Seidov

Doctor of pedagogical sciences, professor
of the sub-department of state and law
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Наталья Владимировна Makeeva

кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права
и политологии, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: makeeva-nv@yandex.ru

Natal'ya V. Makeeva

Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department of theory
of state and law and political science,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Алексей Владимирович Меликов

кандидат технических наук, заместитель
директора по науке и практике института
механики и энергетики имени
В. П. Горячкина, Российский
государственный аграрный университет –
МСХА имени К. А. Тимирязева
(Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49)

E-mail: AleksejV.Melikov@gmail.ru

Aleksey V. Melikov

Candidate of engineering sciences,
deputy director for science and practice
of the Institute of Mechanics and Energy
named after V.P. Goryachkina, Russian
State Agrarian University – Moscow
Timiryazev Agricultural Academy
(49 Timiryazevskaya street, Moscow,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.01.2024

Принята к публикации / Accepted 27.03.2024